

СУХАРИКИ

Впервые я увидела эту странную женщину лет двадцать назад, когда в нашем провинциальном городке не было моды носить шляпки. На вид ей было в тот момент около семидесяти лет, но шляпка её явно молодила. Да и лёгкое, серое в цветочек, платьице из шифона обтекало стройную фигуру. Мы стояли с ней на крыльце почтового отделения, которое вот-вот должно было открыться. Волей-неволей перекинулись парой фраз.

— Какая у вас прелестная шляпка! — сделала я ей комплимент.— Вам очень идёт.

— Вы находите?! — откликнулась она.— Странно, но молодёжь иногда показывает вот так,— и, улыбнувшись, она покрутила пальцем у виска.— Знаете, мне наряжаться не перед кем давно. Муж был военным лётчиком, пятнадцать лет назад умер. Ушла из жизни и дочка от тяжёлой болезни. А шляпки я привыкла носить, жила до войны в Ленинграде. А потом — война...

Двери перед нами распахнулись, мы прошли с ней в зал к разным операторам. С тех пор я этой женщины на улицах города не встречала. И вот снова неожиданная встреча. Она легко улыбнулась мне, не надеясь, что я её вспомню. Я поздоровалась первой:

— Здравствуйте, извините, не знаю вашего имени-отчества.

— Александра Васильевна,— протянула она мне свою маленькую худенькую ладошку.

Мы пожали друг другу руки, и я спросила:

— Вы, случайно, не музыкант, Александра Васильевна?

— Нет, я была учителем начальных классов, но на фортепиано иногда играла. А вообще в семье у нас был музыкантом отец. Но его в тридцать седьмом году расстреляли. В ту пору мне было шестнадцать лет, и я училась в педучилище.

Так мы познакомились с ней поближе. А потом Александра Васильевна пригласила меня к себе на Девятое мая. Жила

она на набережной Чулыма, в хорошей трёхкомнатной квартире, скромно и тихо.

— Хотите чаю или кофе с пирожными? Я их сама лепила,— спросила она.

Я вручила Александре Васильевне коробку шоколадных конфет, и мы сели за празднично накрытый стол.

— Вот здесь я и живу, не на набережной Невы, а на набережной Чулыма. И в гости ко мне теперь приходят только ветер с реки и одиночество,— взгрустнула хозяйка.— Да чего ж я о своём да о своём?.. Вы пейте чаёк, не то остынет. Не любите тортики и пирожные, я вижу... А хотите сухариков? Вы знаете, у меня всегда в доме есть сухарики — ленинградская привычка. Во время блокады выжили мы только благодаря мешку сухарей, которые припасла моя бабушка Прасковья Ивановна. С тех самых пор для меня это главный продукт. Здешние дворовые мальчишки зовут меня «сухариком» не только за мою худобу — знают, что я люблю сухарики, их иногда угощаю.

Сухарики оказались вкусные, хрустящие, из ржаного хлеба. Александра Васильевна размачивала их в чае, чтобы легче было разжёвывать.

— Расскажите о той войне, как выжили,— попросила я.

Она предложила пройти в комнату, где лежали на книжной полке фотоальбомы, закрыла форточку, чтобы нас не сдуло.

— Здесь, у форточки, вот на этом коврикe, я каждый день делаю зарядку,— улыбается премило Александра Васильевна.— А вы думаете, что я от сухариков такая стройная?! Нет, я ещё через скакалку прыгаю. Вот эту.

И Александра Васильевна показывает мне старую тёмно-синюю скакалку довоенных времён. У меня нет слов, ведь моей собеседнице уже девяносто три года.

Безусловно, на свою пенсию она могла бы давно купить новую скакалку. И, наконец, даже тренажёр. Словно угадав мои мысли, моя собеседница говорит без хвастовства:

— Да, могла бы другую купить, но эту мы с мужем вместе выбирали в магазине на Фонтанке. Как выжили? А у нас, ленинградцев, учёные «нашли» ген выживания. Вот благодаря его появлению и выжили.

Теперь она действительно ни в чём себе не отказывает. Сменила телевизор, холодильник, шторы, утеплила балкон, окна. Покупает всё, что душевненьке угодно, из продуктов, да вот беда — аппетита нет.

— Друзей тоже не осталось, поумирали, — сетует она, — а вот меня почему-то туда не приглашают ещё, хотя муж, как я понимаю, скучает без меня.

Юмор у Александры Васильевны совершенно здоровый. Рассматриваем семейные фотографии, на которых Александра чаще всего в роли выступающего: то клоуна, то чтеца, то конференсье. Аккомпанирует отец. А мать на этих снимках в роли зрителя.

— Она умерла на втором месяце блокады в операционной, не выдержало нагрузки сердце.

Что касается самой Александры, то педучилище она закончила в июне 1941 года. Работать пошла в детский сад младшим воспитателем, через месяц стала старшим воспитателем. А детей становилось всё меньше и меньше... Девчонки-ровесницы уходили на фронт, а её не брали — ростом не вышла. С тех пор стала активно заниматься спортом, сделала дома турник в дверях, гантели приобрела. И занималась, несмотря на голодные обмороки. Но на фронт так и не взяли, пока не вырвалась из блокады. Потом вышла замуж за военного лётчика, и началась её фронтовая жизнь. Вспоминает, как он выносил её на руках из окружения... Вместе со Степаном Яковлевичем дошла до Берлина, а точнее, долетела... Много пережили, многих пережили. Об этом всего не расскажешь. Крепится Александра Васильевна, крепится... Шутит, улыбается, поддывает чайку. Снова прихлопывает форточку.

— Ветерок гостевать просится. Пусть попозже заглядывает, — словно сама себе говорит она и, обращаясь уже ко мне, заводит разговор на другую тему: — Погляди, какой простор над рекой и лесом, какие облака снежные. Ветер их гоняет, складывает в разные фигуры и образы. Так бы и зарисовала. Я каждое утро и каждый вечер вот в этом креслице сижу и наблюдаю за природой. Может, это и есть счастье, а? Как ты думаешь?

И я в этот момент подумала, что для Александры Васильевны давно слились воедино и прошлое, и настоящее, и будущее. А она не заметила, как снова ворвавшийся в окно ветер листал страницы дневника её жизни.

СТАРЫЙ КАРАИМ

Он стоял в огромном светлом зале в ожидании рейса и немного нервничал. Это было заметно даже при беглом взгляде со стороны. Костюм на мужчине сидел крепко, как на по-стаменте, он без конца его одёргивал, словно хотел от него

избавиться. В руках держал свёрнутый пакет, где явно просматривались бутерброды. На загоревшем под летним солнцем лице выделялись одинакового размера мелкие ямочки, то ли от оспы, то ли человек был танкистом. Лицо обрамляли седые волосы. Мужчина оказался немолод, лет под девяносто. Наверняка ветеран... Но тут мои наблюдения прервало объявление на посадку на наш «Пегас», следующий по маршруту Казань — Симферополь, и субъект моего внимания растворился в потоке пассажиров. Воздух наполнился зноем и потом...

Лететь было комфортно, «идиотов» в салоне среди двухсот двадцати человек не оказалось. Стюардессы и стюарды милы и предупредительны. Пейзажи божественно живописны. Детворы на борту мало, но и те, утомлённые жарой, быстро утомнились и уснули.

Через два с половиной часа самолёт мягко опустил шасси на крымскую землю, в Симферополе. На выходе за моей спиной раздался мужской голос, обратившийся сразу ко всем:

— Это сколько же народу такой самолёт вмещает?! Ну и техника! Чудо века!

Ему никто не ответил...

До терминала в Симферополе пассажиры прошли пешком метров пятнадцать. Автобус не подали. Кто-то наступал мне на пятки. Оглянувшись, увидела того же беспокожно шагавшего незнакомца. Он поймал мой взгляд, робко сказал:

— Не знаю, куда идти за багажом.

Я ответила, что надо идти туда, куда все идут. Незнакомец стал объяснять, что сдал в багаж сумку с мёдом и очень переживает, чтобы не разбились банки. А мёд везёт правнучке из деревни Старое Аракчино, что в семнадцати километрах от Казани.

— Знаете или нет вы такое местечко — Аракчино?! — спросил он меня, и его крупные карие глаза на мгновение посмотрели на меня с интересом.— Строится там храм шестнадцати религий. Отовсюду народ приезжает. Ильдар, брат мой, такую идею подал. Да вот, всё думаю, рано он про объединение религий надумал... Забрали его на небеса, дочка! Теперь вот всем миром достраиваем. И мне стыдно в стороне стоять, ведь брат я ему, к тому же ветеран, я в Крыму воевал в Отечественную войну.

— А вы по национальности, случайно, не татарин? — не удержалась я от вопроса.

— Караим я. Мои далёкие предки жили в княжестве Феодоро, потом в Мангуп-Кале. А покинули они свою родину в

тысяча семьсот девяносто втором году — считай, больше двухсот лет назад. Сейчас караимов всего в мире две тысячи, а в Крыму — всего восемьсот человек. В войну много их погибло. Я-то в годы войны христианские обитатели защищал в Крыму. Насмерть стояли за родную землю. Война здесь началась двадцать второго июня. Представляете: горы и танки... Штурмовиков только погибло сто пятьдесят человек. У стен пещерного Успенского монастыря много танкистов погибло и пехотинцев, сто семьдесят два человека были похоронены. Многих монахи на ноги поставили, вылечили.

Наш разговор прервала моя дочь:

— Мама, пойдём. О чём можно разговаривать с незнакомцем?

Мы не спеша подошли с ней к багажной стойке, куда стекались пассажиры нашего рейса из Казани. Через полчаса по транспортёрной ленте поплыли чемоданы, сумки, рюкзаки... Среди толпы дедули-ветерана не оказалось. Мы с дочерью переглянулись, она вдруг сказала мне:

— Поищи своего караима...

Человек нашёлся у багажной стойки Санкт-Петербурга. Подошла, объяснила, что он ждёт багаж не там. Дедуля растрогался, встал рядом, приобнял меня за плечи, поблагодарил от души. Потом вдруг спросил, на какую улицу нам надо.

Улица имени Гагарина оказалось рядом с автовокзалом, куда мы приехали на «совдеповском» автобусе, с компостером билетов за десять рублей, по разбитой дороге с очень древними автобусными остановками. Через неделю мы не узнали этой дороги: её отремонтировали и «закатали» в асфальт. Обновление в Крыму чувствовалось повсюду.

Дороги, дороги... Горы и камни, камни. Куда ни помотришь — везде камни, кипарисы, можжевельники, лавры, платаны, олеандры, и ни одной берёзки. Но много памятников, мемориальных досок, храмов, где в годы войны лечили от ран защитников полуострова — русских, татар, караимов, украинцев, армян. Крым — это сердце России, это сакральная история земли.

Дороги, горы, камни — и люди, живущие на южном побережье и хорошо знающие свою историю не по учебникам. Очень гордые и мужественные, добрые, ранимые и открытые, такие, как старый и гордый караим из Аракчино.